Вестник
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 1 — 1971

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА СТРУКТУР В ФИЛОСОФИИ ЖАНА ПИАЖЕ

Jean Piaget. LE STRUCTURALISME. Paris, Presses Universitaires de France, 1968, p. 127

Основная тема исследований крупнейшего современного психолога Жана Пиаже — генезис интеллекта, овладение ребенком логическими структурами. Эта тема выводит Пиаже за рамки собственно психологии и приводит к постановке общих проблем философии и методологии науки. Основной проблемой при этом (основной не только для Пиаже, но едва ли не самой важной для современного знания в целом) оказывается соотношение законов существования структур и теории развития. К этому вопросу и обращается Пиаже в одной из последних своих работ — «Структурализм».

В чем же заключается проблема генезиса структур и в чем ее особая важность?

Структурный метод возникает в науке XIX в., причем приблизительно одновременно в ряде наук[1]. Результаты его применения оказались очень плодотворными. В конечном счете анализ структур дает возможность формализации и построения формальной модели, что позволяет управлять структурой. Построение формальной модели системы стало идеалом науки. Но по самой своей природе структурный метод — метод анализа статического состояния. Между тем логика, описывающая процессы развития, разработана слабо, а процесс перехода от структуры к структуре (во всяком случае на сегодняшний день) формализации не поддается. Это приводит к тенденции отрыва структурализма от теории развития, и если в прошлом веке господствующей в науке ориентацией была ориентация на открытие исторического закона, позволяющего предсказать неизбежное появление нового качества, то теперь заметна тенденция вынести изучение развития за пределы собственно науки.

Возникновение структурализма в лингвистике, приведшее к необычайному развитию этой науки, к тому, что наука о языке стала первой из общественных наук, которая по своим методам и структуре уже ближе к наукам естественным, связано с тем, что Соссюр, как известно, провел резкую грань между синхронией (системой) и диахронией (развитием) языка. Сходные процессы наблюдаются и в отношении социологии и истории, традиция противопоставления которых идет еще от Риккерта. Уже Конт противополагает социальную статику социальной динамике, а все последующее развитие западной социологии все более и более «вытесняет» социальную динамику за пределы социологии, так что Поппер уже прямо отрицает логическую возможность открытия законов развития человеческого общества.

Подобное положение приводит к тому, что объяснение развития берут на себя разного рода идеалистические и просто религиозные концепции. Отсюда — громадный успех таких систем, как бергсонианство, тейярдизм или в области истории — теория Тойнби. Успех такого рода систем — как бы оборотная сторона господства структурного метода.

---

[1] В области экономики и социологии объективно первым структурным исследованием был, очевидно, «Капитал» К. Маркса. Но надо отметить, что, дав образец применения структурного метода, Маркс не разрабатывал специально его логических и методологических проблем.

Книга Пиаже является попыткой ученого, далекого от какого бы то ни было компромисса с религиозным объяснением мира, вплотную подойти к проблеме структуры и развития и решить ее, определив ограниченность и возможности применения структурного метода.

В первой главе своей книги Пиаже дает общее понятие структуры и формулирует основные философско-методологические вопросы, встающие при ее анализе. «При первом приближении, — пишет он, — структура — это система трансформаций, обладающая качествами, присущими ей как системе и отличными от качеств составляющих ее элементов, качествами, которые сохраняются и обогащаются при всех трансформациях, не позволяя им выходить за пределы системы...» (стр. 7—8) [2]. Итак, структура определяется Пиаже как система, обладающая тремя характеристиками: целостностью, трансформациями и саморегуляцией.

Целостность — это то, что отличает структуру от агрегата — простой совокупности элементов. Структура состоит из элементов, но обладает качествами, не сводимыми к качествам отдельных элементов и сохраняющимися при всех ее трансформациях, что и выступает как закон структуры. Признание несводимости качеств системы к качествам составляющих ее элементов и отличает современный структурный подход от «атомизма» прошлого века, когда господствовало убеждение, что совокупность исследований элементов уже дает знание о целом. Но, по мнению Пиаже, понятие целостности в современной науке не сводится к признанию особых качеств систем. Эти особые качества возникают не просто в результате контакта элементов, но вытекают из процесса или процедуры композиции, законы которой определяют качества целого. Поэтому Пиаже исключает из структурализма в собственном смысле слова все те теории, которые не рассматривают приводящую к структуре композицию элементов (типа социологии Дюркгейма или гештальтпсихологии).

Трансформация — вторая характерная черта структуры. Структура обладает способностью сохранять свое особое качество при замене одних элементов другими и изменении количества элементов. Поэтому она как бы раскрывается во множестве обладающих данным качеством систем. Понятие трансформации имеет громадное познавательное значение, ибо позволяет обнаружить за разными явлениями единую сущность, за разными системами — единую структуру.

Наконец, третья характерная черта структуры — способность к саморегуляции. Законом трансформаций структуры выступает сохранение ее общего качества. Структура включает в себя лишь те элементы и лишь таким образом, чтобы это качество оставалось неизменным. Даже если она входит «подструктурой» в большую структуру, ее общее качество сохраняется и лишь обогащается, дополняется качеством этой большой структуры.

Как мы уже говорили, основная проблема Пиаже — проблема генезиса структур. Пиаже стремится решить эту проблему, то есть объединить анализ структур и генезиса на примере рассмотрения разных наук, соответствующих, как мы сказали бы, разным формам движения материи. Начинает он, в соответствии со своей общей концепцией, с рассмотрения логико-математических структур.

Как известно, открытая еще в прошлом веке Галуа структура группы получила применение во всех отраслях знания [3]. Стало выясняться, что законы этой структуры соответствуют законам самых разных структур внешнего мира. Между тем математическая структура — это абстракция над абстракцией, а любая «высокая» абстракция — это абстракция «тощая», малооперациональная. Откуда же тогда операциональность и всеобщая применимость математических структур? И как связаны эти структуры с опытом, «натуральны» ли они, т. е. непосредственно ли вытекают из опыта «как натуральные числа в отличие от иррациональных» или априорны?

---

[2] Таким образом, у Пиаже мы находим различение (хотя, на наш взгляд, не всегда четко проводимое) понятий «структура» и «система». Система — это организация элементов, обладающая неким качеством, несводимым к качествам элементов. Структура — это законы сохранения данного качества. Качество сохраняется в разных системах, и структура как бы «разворачивается» во множестве систем с данным качеством.

[3] Впоследствии было установлено, что существует три первичных математических структуры, не сводимых друг к другу как и к любой другой структуре, и являющихся аксиоматическими основаниями современной структурной математики. Это так называемые «материнские» структуры — структура группы и ее дериваты; структура порядка; топологическая структура.

Пиаже дает следующий ответ на эти вопросы. Особенность логико-математической, рефлексирующей абстракции — «в том, что извлекается она не из объектов, но из действий, которые можно производить над ними и главным образом из наиболее общих координаций этих действий» (стр. 18). Поэтому основания математического структурализма — естественны, «натуральны», заимствованы из опыта, только опыт этот — особого рода [4].

Тезис о принципиальном отличии «рефлексирующей абстракции» (абстракции над действиями с объектами) от абстракций над объектами, как мы увидим впоследствии, — краеугольный камень всей концепции Пиаже.

Доказательство «естественного» характера структур Пиаже находит не только в соответствии человеческих действий этим структурам, но и в теореме Гёделя, установившей «подвижные границы формализации». Гёдель открыл, что никакая формализованная теория не может доказать своей непротиворечивости собственными средствами. Доказательство такой теории может быть достигнуто лишь в рамках некоей метатеории, включающей в себя первую. Ее аксиомы, в свою очередь, могут быть выведены только из некоей «следующей» теории и т. д. Структура не есть, таким образом, «чистая форма», ибо чистой формы вообще нет.

Открытие Гёделя приводит, по мнению Пиаже, к двум выводам. Во-первых, оно принципиально изменило наше представление о научном знании в целом. «До этого времени, — пишет он, — теории можно было рассматривать как пирамиду..., нижний этаж которой — наиболее прочен и выполнен самыми простыми инструментами. Но теперь становится ясно, что если простота означает слабость и для того, чтобы этаж был прочен, нужно сооружать следующий, то прочность пирамиды некоторым образом зависит от ее вершины, и вершины недостижимой, все время поднимающейся при нашем приближении; теперь образ пирамиды скорее следует заменить образом спирали со все большими и большими кругами» (стр. 30—31). Во-вторых, Гёдель ввел понятие сильных и слабых структур, т. е. иерархии структур, ибо основания любой структуры — в некоей иной метаструктуре.

Это положение вносит важное дополнение в понятие структуры и имеет большое методологическое значение: «ключ» к структуре нужно искать на ином уровне, чем уровень системы образующих ее элементов. Отсюда — присущий структурализму междисциплинарный характер.

Далее Пиаже раскрывает эту иерархию структур. По его мнению, из структур нашего разума, структур логико-математических, выводятся и на них основываются структуры физические [5], далее идут органические, затем — психологические и, наконец, вновь — «человеческие», социальные структуры. Логико-математические структуры, в свою очередь, можно вывести из структур психосоциальных. Таким образом, Пиаже предполагает наличие кольца, а вернее, спирали наук, центром которой является неисчерпаемость «рефлексирующей абстракции» [6].

Описав образование логико-математических структур посредством «рефлексирующей абстракции», Пиаже в 3-й главе, где исследуются физические и органические структуры, показывает, что абстракция над действиями потому приводит именно к структурам, что «структурен» сам внешний мир. Структуры внешнего мира, говорит он, совершенно от нас независящие, всегда оказываются соответствующими нашим логико-математическим структурам. «...Постоянное соответствие физической реальности и математических инструментов, применяемых для ее описания, поразительно, ибо часто они возникают до их применения, а когда они создаются при столкновении исследователя с новым фактом, то не выводятся из этого физического факта, но вырабатываются дедуктивно вплоть до достижения имитации» (стр. 36).

Этот парадокс, согласно которому физические структуры неаприорны, ибо реализуются независимо от человека, и априорны, ибо выводятся из структур логико-математических («поразительное соответствие духовных и реальных операций»), разрешается Пиаже опять-таки при помощи понятия рефлексирующей абстракции. Организм, пишет он, как бы «погружен» в структурный мир, и любые его действия в «структурной» среде неизбежно «содержат в себе некоторые элементарные структуры, достаточные, чтобы служить точкой отправления для рефлексирующих абстракций и дальнейших конструкций» (стр. 39).

Это приводит Пиаже к рассмотрению органических структур (он показывает постепенное проникновение системно-структурной методологии в различные области биологии — генетику, эмбриогенез). Будучи совершенно объективными и имея

---

[4] Пиаже пишет, что, как это ни поразительно, но самые первые операции ребенка или даже шимпанзе в точности соответствуют операциям этих трех типов структур (структуры группы, порядка и топологические) (стр. 24).

[5] Для нас неясно, почему Пиаже исключает из рассмотрения химические структуры.

[6] Более подробное изложение учения Пиаже о взаимосвязи наук см.: Д. Х. Флейвелл. Генетическая психология Жана Пиаже. М., «Просвещение», 1967, стр. 342—344.

физико-химическое содержание, органические структуры представляют собой как бы переходные звенья между объективными структурами внешнего мира и структурами нашей мысли. Наиболее важными в этом смысле являются структуры, открытые в этологии, науке о поведении животных. «...С одной стороны, этология сделала очевидным существование особо сложной структуры инстинктов, так что сейчас уже можно говорить о логике инстинктов ... которая предшествует логике действий, не запрограммированных наследственно и произведенных инструментами. С другой стороны, и это не менее существенно, современная этология склонна показывать, что всякое обучение и всякая память конституируются лишь опираясь на предваряющие структуры...» (стр. 44—45).

Структуры этологии — переходное звено от органических к психологическим структурам.

В психологии «наиболее четкая форма структурализма» появилась с теорией гештальта. Пиаже излагает основные положения гештальтпсихологии и противопоставляет им свое понимание психологических структур. Основным пороком гештальтизма он считает объяснение перцептивных и даже интеллектуальных структур через модель поля. Подобное объяснение лишало, по его мнению, структуры генезиса, а субъекта — активности. Пиаже остроумно замечает, что субъект в гештальтпсихологии — не автор пьесы и не актер, а лишь театр, в котором пьеса разыгрывается. Но Пиаже показывает, что гештальтизм столкнулся с целым рядом фактов, не объяснимых с позиций модели поля. Эти факты говорят о возможности тренировать восприятия, о существенной роли памяти в образовании перцептивных структур, об эволюции восприятия с возрастом. Таким образом, активность субъекта достаточно ясно проявляется уже на уровне образования перцептивных структур. Тем более существенна ее роль в образовании логических структур, которое гештальтисты также пытались подчинить законам поля.

Гештальтизму Пиаже противопоставляет свою теорию образования логических структур — теорию рефлексирующей абстракции, к которой он неоднократно возвращается на протяжении книги, все более проясняя и углубляя ее.

Проблема интеллектуального развития — это проблема конструкции логических структур. Эти структуры, по Пиаже, — не априорны, не врожденны, но и не открываются случайно и не привносятся в процессе обучения. Человек сам создает их, но «он их конструирует не произвольно, как играет или чертит рисунок; специфическая проблема, которая здесь возникает, заключается в том, чтобы понять, почему и как эта конструкция достигает необходимых результатов, «как если бы» они были изначально предетерминированы» (стр. 53—54). Получается следующая картина: каждый человек в процессе своего сугубо индивидуального развития, наполненного самыми разными случайными факторами, сам конструирует логические структуры, которые оказываются полностью соответствующими структурам внешнего мира, идентичными структурам всех прочих людей и имеющими общечеловеческое значение, как если бы они были генетически передаваемы из поколения в поколение и относились к собственно биологической природе человека.

Пиаже объясняет этот феномен стремлением человека к «равновесию» с внешним миром. Стремление к равновесию мыслится Пиаже как всеобщий закон природы. «В реальности, — пишет он, — существует один всеобщий формирующий процесс, который приводит формы к структурам и обеспечивает присущую им саморегуляцию: это процесс уравновешивания, который уже в области физики создает систему в ансамбле потенциальных работ... который в органической сфере обеспечивает живому существу гомеостазис на всех уровнях.., который в сфере психологии делает понятным развитие интеллекта... и который в социальной области оказывает аналогичную услугу» (стр. 95—96). Но что же значит, по Пиаже, «равновесие» применительно к человеку? Это такое состояние, когда, сделав какое-либо действие с объектом, человек может сделать и обратное действие, вернув первоначальное состояние. Это-то и отождествляется им с «равновесием», а рефлексирующая абстракция помогает человеку установить это равновесие. Она рационализирует, доводит до сознания структуры поведения, уходящие корнями в биологическое приспособление организма к среде, и тем самым активно способствует дальнейшему прогрессу уравновешивания. Понятие «стремление к равновесию», как считает Пиаже, позволяет ему восстановить функциональный смысл структур, которого их лишала гештальтпсихология, и соединить индивидуальность развития с общезначимостью структур.

Пиаже прослеживает разные этапы овладения человеком логическими структурами, причем громадную роль в этом процессе играет овладение языком, что и приводит его к анализу структур лингвистических. В соответствии со своей задачей он прежде всего стремится выяснить связь диахронии и синхронии. В лингвистике диахрония и синхрония были противопоставлены друг другу школой Ф. де Соссюра, причем наряду с общими причинами, способствовавшими такому разрыву и в других науках, здесь были свои, свойственные лишь лингвистике причины — «произвольный характер слова, не имеющего внутренней и стойкой связи с тем, что оно обозначает» (стр. 66).

Таким образом, связи между диахронией и синхронией в лингвистике, по словам Пиаже, иные, чем в других науках, где структуры — это структуры не выражения, не обозначающего, а обозначенного, т. е. структуры реальностей, обладающих своим собственным значением и нормативной способностью. «Равновесие таких структур в данное время зависит от их предшествующей истории, ибо наличие нормы определяет характер развития, как развития, направленного к этому равновесию, в то время как история слова может быть последовательностью изменений значения, не имеющих между собой другой связи, кроме необходимости ответа на нужды выразительности последовательных синхронических систем, частью которых являлось данное слово» (стр. 67).

Тем более интересно, по мнению Пиаже, что именно в лингвистике, где есть очень сильные основания для разрыва структуры и генезиса, начиная с Гарриса и Хомского, возникает тенденция к сближению структурного и генетического подходов. Источники этой перемены двояки.

Во-первых, это наблюдение над творческой стороной языка в психолингвистике. Пиаже приводит следующую цитату из Хомского: «В центре интересов современных исследователей лежит то, что можно назвать созидательным аспектом языка в процессе его повседневного употребления... Получается так, как если бы говорящий индивид в некотором роде изобретал свой язык, выражая свои мысли, и открывал его для себя, слушая речь других вокруг себя, ассимилируя себе определенную систему правил, генетический код, который, в свою очередь, определяет семантическую интерпретацию бесконечного множества реальных фраз, выражаемых или слышимых. Иными словами, получается так, как если бы он владел «порождающей грамматикой» своего языка» (стр. 69). Таким образом, в современной лингвистике происходит сближение лингвистики с психологией, изучения языка с изучением речи.

Вторым источником намечающейся в лингвистике связи между генетическим и структурным подходами является возрождение Хомским старой идеи Декарта о том, что грамматика имеет корни в разуме, причем во «врожденном» разуме[7]. Подход Хомского — не индуктивный, а дедуктивный. Хомский стремится уяснить, какими должны быть постулаты грамматической теории, необходимой и достаточной для характеристики общей структуры языков и для ее дифференциации в соответствии с отдельными частными языками.

Эти постулаты и образуют передаваемую в генотипе (наряду с формальной общей структурой трансформаций) фиксированную врожденную схему (врожденный разум). Из этой схемы в процессе дифференциации, в котором выступает подчеркиваемый Хомским творческий созидательный аспект языка, и образуются различные грамматики.

Однако, по мнению Пиаже, это — не решение проблемы, а лишь отодвигание ее, перенесение с уровня онтогенеза на филогенез. Признание врожденности в индивиде «формообразующей схемы», ее генетической передачи тотчас ставит вопрос — когда и как она возникла в филогенезе. Пиаже подходит к этой проблеме так же, как к проблеме онтогенетического развития логических структур. «...Там, где Хомский видел только одну альтернативу, — пишет Пиаже в своей книге, — или врожденная схема... или внешние приобретения, имеющие культурный характер, но могущие быть самыми разными и не объясняющие ограниченный и необходимый характер исследуемой схемы — на самом деле есть три, а не два возможных решения: может быть наследственность, может быть внешнее приобретение, но может быть и процесс внутреннего уравновешивания, или саморегуляция... наследственность касается какого-либо содержания, которое либо передается, либо нет, в то время как саморегуляция определяет соответствующее конструкции направление, и конструкция становится, таким образом, как необходимой, так и управляемой» (стр. 77).

Лингвистические структуры, по Пиаже, связаны с логическими структурами. Овладение элементарными логическими структурами и онтогенетически и филогенетически и делает возможным овладение структурами языка и всегда ему предшествует. Пиаже ссылается на опыты Х. Синклер, показывающие эту зависимость.

Таким образом, структура языка, будучи социальной структурой, оказывается результатом того же «стремления к равновесию», которое помогает Пиаже объяснить генезис всех прочих структур, и овладение языком, так сказать, возникновение языка в онтогенезе, оказывается связанным с процессом овладения логико-математическими структурами.

Переходя затем к анализу применения структурного метода в социальных исследованиях, Пиаже подчеркивает, что все социальные исследования носят, так сказать, стихийно-структуралистский характер, «ибо все социальные множества и подмножества суть целостности, эти целостности динамичны и, следовательно, яв-

---

[7] Связь языка и логики Хомский пытается установить анализом логики ядерных предложений, из которых по правилам трансформационной грамматики производятся предложения — дериваты.

ляются полем трансформаций, а их саморегулирование достигается специфически социальным способом — посредством всякого рода ограничений, норм и правил, налагаемых группой» (стр. 82). Однако есть большие различия между этим стихийным структурализмом, который Пиаже называет «глобальным», и структурализмом в собственном смысле слова. Во-первых, в «глобальном» структурализме не ставится вопрос о возникновении целостности (Дюркгейм). Целостность выступает как нечто непосредственно данное и непосредственно объясняющее. Во-вторых, «глобальный структурализм рассматривает систему наблюдаемых отношений или взаимодействий, которые считаются самодостаточными, в то время как существом методического структурализма являются поиски объяснения этой системы в некоей подлежащей структуре, позволяющей дедуктивную интерпретацию и конструкцию логико-математической модели: в этом случае, и это основное, структура не входит в число констатируемых «фактов» и остается «бессознательной» у членов рассматриваемой группы» (стр. 83).

Такого рода «методический» структурализм Пиаже видит в микросоциологии — в школе Левина, в макросоциологии — в марксистском структурализме Альтюссера и Годелье, в школе Парсонса. Но наибольшее внимание Пиаже уделяет структуралистской системе Леви-Стросса.

Леви-Стросс исходит из абсолютной неизменности человеческого мышления и пытается понять все социальные системы (от государственных до кулинарных) как различные формы, в которых проявляются общие законы человеческой природы, подобно тому, как в лингвистике, которая является для него идеалом состояния любой общественной науки, различные фонетические системы мыслятся как проявление общих принципов фонологии —законов любого человеческого языка. Идеалом Леви-Стросса является открытие таких общих законов человеческой природы, относящихся к различным сферам общественной жизни, и выведение на основании этих законов ансамблей всех мыслимых, как реально существовавших, так и потенциально возможных систем (родства, мифов, всего, чего угодно) — своего рода социальных таблиц Менделеева. При этом Леви-Стросс выделяет исследование этих «ансамблей» и изучение того, как в конкретном ходе исторического процесса разные входящие в них системы сменяли друг друга как два совершенно различных направления исследования.

Неудивительно, что Пиаже, который больше всего стремится найти единые принципы изучения структур и генезиса, тратит столько усилий, чтобы «преодолеть» Леви-Стросса. Пиаже высоко оценивает систему Леви-Стросса, называя ее «наиболее яркой из всех, которые когда-либо использовались в эмпирических науках о человеке». Но одновременно он выдвигает ряд возражений. Прежде всего, по его мнению, неясно, где тот уровень, на котором расположены структуры, исследуемые Леви-Строссом, это и не уровень индивидуального интеллекта, и не уровень аффективный, и не социальный уровень. Предлагая свой вариант объяснения социальных структур, Пиаже исходит из уже известного нам понятия равновесия: социальные структуры тоже стремятся к равновесию, ибо во всех «кооперациях» участвует «структурный» человеческий разум.

Но можно ли говорить о постоянстве человеческого разума — разве он не развивается? И Пиаже пытается на новой основе вернуться к старой идее Леви-Брюля о принципиальном отличии современного разума от примитивного. Он считает вероятным, что онтогенетическое развитие логики повторяет в основном развитие филогенетическое. При этом он ссылается на недавние исследования австралийского племени арунта, показавшие, что в ряде случаев арунта стоят лишь «в начале овладения уровнем конкретных операций». Пиаже выдвигает идею проведения серии исследований первобытных народов для изучения уровня овладения ими логическими структурами.

Попытка создать систему, объединяющую теорию структур и теорию развития, приводит Пиаже к проблеме взаимоотношения структурализма и диалектики. Пиаже полагает, что никакой стены между структурализмом и диалектикой нет. Возражая Леви-Строссу, считающему, что функцией диалектического разума является «перекидывание мостиков над бездной нашего невежества», он пишет, что в действительности роль диалектики состоит «в значительно большем, и приводит к замене моделей линейных или древовидных знаменитыми «спиралями» и диалектическими кругами».

С большим интересом относится Пиаже и к современной марксистской школе структурализма во Франции (Альтюссер, Годелье и др.). Как эти исследователи, он видит в марксизме не только диалектическую, но и отчетливую структуралистскую тенденцию. «То, что в работах Маркса присутствовал структуралистский аспект, который привел его, по крайней мере, к точке на полпути от того, что мы называли «глобальными структурами»... к структурам в смысле современной антропологии, — совершенно очевидно, ибо он различал реальные инфраструктуры и идеологические суперструктуры и описывал первые в терминах, которые, оставаясь качественными, были, однако, достаточно точными, чтобы увести нас от непосредственно наблюдаемых отношений» (стр. 105—106).

* *
*

Как же следует оценивать концепцию Пиаже? Приемлемо ли для нас его решение проблемы генезиса структур?

Прежде всего мы должны оговориться, что наша оценка — оценка гипотетическая. Настоящая, всесторонняя оценка его концепции может быть достигнута лишь в ходе всестороннего — и философского и собственно научного — анализа его построения, на что мы не претендуем. Мы хотим лишь высказать предположение о возможных путях дальнейшей критики этой концепции.

На наш взгляд, у Пиаже мы встречаем три различных и недостаточно логически связанных между собой типа объяснения генезиса структур.

1. Синтез структурализма и диалектики. Структурализм — направление сравнительно молодое и, как, наверное, всякое молодое направление, склонное к «экспансии» и «агрессии»[8]. Возникает представление о нем как о ключике, который раскроет все двери, причем проблема генезиса отбрасывается, признается ненужной, устарелой. Пафос Пиаже направлен против этих «крайностей» структурализма, за его включение как одного из методов в общую систему научной методологии. И, естественно, что прежде всего встает проблема соединения структурализма как метода анализа статического состояния и диалектики как общей теории развития. Действительно, Пиаже несколько раз говорит о том, что диалектика не противоречит структурализму, а лишь противоречит крайностям структурализма. Он защищает диалектику от нападок Леви-Стросса и т. д. Но если о синтезе диалектики и структурализма говорится, то это не более чем говорится. Единой логики, пригодной для анализа и структур (анализа статического) и перехода от структуры к структуре, Пиаже не раскрывает. Поэтому, хотя такой синтез постулируется, на практике для объяснения генезиса структур Пиаже идет по другому пути.

2. Теория «рефлексирующей абстракции». Это учение объясняет, по Пиаже, генезис логико-математических структур. Мы не беремся судить о правильности этого объяснения: вполне возможно, что оно верно; во всяком случае идея рефлексирующей абстракции очень интересна. Но рефлексирующая абстракция оказывается не просто принципом объяснения одного из типов структур, а чем-то значительно большим. На этом учении покоится все объяснение генезиса структур. Происходит это потому, что 1) Пиаже выводит из логико-математических («человеческих») структур структуры физические (структуры внешнего мира), а так как рефлексирующая абстракция неисчерпаема, то получается «спираль наук», 2) Пиаже связывает рефлексирующую абстракцию с общим законом «стремления к равновесию». Цель рефлексирующей абстракции — достижение состояния, при котором любому действию с объектом может соответствовать действие, восстанавливающее исходное состояние, а это отождествляется Пиаже с равновесием. Попытаемся разобраться в этих двух постулатах.

Если даже физические структуры выводятся из логико-математических и «спираль» наук — реальность, это ничего не говорит нам о действительном возникновении физических структур. Выводиться из логико-математических они могут лишь в нашем сознании, в науке, а не в их бытии (если только, разумеется, мы признаем их реальность, а Пиаже ее признает). Их возникновение в реальности — другая, особая проблема. Между тем Пиаже эти проблемы не разграничивает: гносеологический и онтологический планы им объединяются.

Вряд ли можно сводить «рефлексирующую абстракцию» к стремлению к равновесию. Что дает нам этот перенос понятия механики человеческой деятельности на анализ человеческой деятельности? На наш взгляд, ничего. Организм также находится в «равновесии» с внешней средой. Находится ли человек в большем «равновесии», чем обезьяна? Конечно, нет. Скорее, наоборот, человеческая деятельность является постоянным нарушением этого равновесия, она все время выводит из состояния равновесия, как равновесия общества и природы, так и равновесия внутри общества. Поэтому с таким же успехом можно охарактеризовать нашу деятельность как «стремление к нарушению равновесия».

На наш взгляд, «рефлексирующая абстракция» — центральная гносеологическая идея Пиаже, а «стремление к равновесию» постулируется им для обоснования этой

---

[8] Объясняется это, наверное, не только психологическими причинами, но и самой логикой развития науки. Понять ограниченность любой научной теории (как содержательной, так и методологической) можно, очевидно, лишь тогда, когда от использования ее в тех случаях, где это правомерно, переходят к ее применению там, где она уже «не работает». Так, дарвинизм порождает социал-дарвинизм, открытия Фрейда — кошмары фрейдистского анализа искусства и социальной жизни. Возможно, то же самое происходит и со структурализмом — маятник качнулся слишком далеко, применение этого метода дошло до логического конца.

идеи, возникшей у него из его эмпирических исследований. Поэтому, хотя «стремление к равновесию» и выполняет роль конечного объяснения, раскрывается им это понятие очень слабо, а учение о рефлексирующей абстракции раскрывается очень подробно. Обращение же к диалектике тоже, на наш взгляд, связано с учением о рефлексирующей абстракции, все время выводящей из незамкнутых (и не могущих, по Гёделю, быть замкнутыми) систем в новые, более сложные системы и объясняющей спиральную организацию знания.

Таким образом, теория эта имеет у Пиаже два различных и даже противоположных друг другу выхода.

3. Настоящим же объяснением генезиса структур является «стремление к равновесию», частный случай которого — действие «рефлексирующей абстракции». Что можно сказать про это объяснение?

Проблема генезиса структур, отношения их изучения к теории развития вставала с разной степенью четкости в разных формах у многих мыслителей. При этом чем больше намечался разрыв между изучением структур и генезиса, тем более усиливались течения, объясняющие развитие при помощи неких конечных, ни к чему более несводимых «сил» и «стремлений», вроде «радиальной энергии» Тейяра, «трансцендентной функции» Юнга и т. д. Так как это — конечные, последние объяснения развития, то естественно, что все эти «силы» в итоге оказывались «силами», идущими от бога и к богу.

Пиаже — мыслитель совершенно иного порядка, чем Тейяр, Бергсон или Юнг. Он не склонен к каким-либо компромиссам с религией, он предельно научен и «сух». Поэтому он говорит не о какой-либо таинственной «силе», а о простом и ясном «стремлении к равновесию». Но если психологически отличие «стремления к равновесию» от какой-либо «радиальной энергии» и очень велико, логически оно близко к нулю. И там и здесь мы имеем дело с неким предельным объяснением при помощи некоей первичной силы. И если вдуматься в то, что даже неодушевленным объектам, по Пиаже, свойственно «стремление», в конечном счете приводящее к возникновению жизни (переходу от физико-химических структур к органическим) и человека (от органических к социальным), то мы увидим, что такое объяснение выглядит более странно, чем прямая апелляция к религии. Совершенно очевидно, что подобное объяснение противоречит постулируемому Пиаже синтезу структурализма и диалектики.

Пиаже — один из крупнейших ученых нашего времени. Наши замечания ни в коей мере не умаляют значения выдвинутой им концепции структурализма, а лишь указывают на всю сложность четко и ясно поставленной им проблемы — проблемы синтеза структурализма и теории развития, логики, объясняющей структуры, и логики, объясняющей переход от структуры к структуре.

Д. Е. Фурман

КНИГА О ГЕГЕЛЕ НА ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Издательство «Ылым» (Туркмениздат, 1970) выпустило книгу академика АН ТССР Г. О. Чарыева «Мера в «Науке логики» Гегеля» — довольно обстоятельный анализ всего первого раздела «Науки логики» Гегеля. Аналогичной работы не было в русской литературе, не говоря уже о том, что это — первая работа на туркменском языке, посвященная анализу философии Гегеля. Ценность книги Г. О. Чарыева, по нашему мнению, заключается в том, что сделана попытка не только изложить и проследить все тончайшие нюансы хода мыслей философа и прокомментировать их (что само по себе дело в высшей степени трудное), но показать ту реальную основу, на которой вырабатывались и оттачивались гегелевские категории.

В книге нет идеализации Гегеля. Спокойно и по-деловому автор вскрывает сильные и слабые стороны гегелевского учения. О. Г. Чарыев использовал в работе все важнейшие высказывания классиков марксизма-ленинизма о философии Гегеля.

Первая глава рецензируемой книги посвящена вопросу о начале гегелевской философии. Выяснение различного, более того, диаметрально противоположного по своему характеру гегелевского и марксистского понимания вопроса о начале философии имеет чрезвычайно важное значение для глубокого и всестороннего понимания истории философской мысли, высшим достижением которой является философия диалектического и исторического материализма. В понимании сущности любой философской системы или школы в раскрытии ее социального и идейного содержания, в определении ее места среди других течений и направлений решающую роль играет ее первая основная предпосылка, ее исходная позиция, т. е. то, что рассмат-